

Как слишком много клубники

Мне было шестнадцать, и я влюбилась, как... нет, не как кошка, как кошка — это сейчас случается, а тогда я влюбилась, как цветок — круглощёкий пион, поворачивающийся за солнцем, который не умеет ничего, только слегка розоветь, пахнуть и раскрываться, раскрываться, раскрываться — так, что начинают опадать лепестки.

Солнце моё было старше, а значит, заведомо умней и опытней. Это, знаете ли, отдельная комиссия — быть умней и опытней шестнадцатилетнего цветка. Недавно был ты просто парень, имел право на дурость и выходки, а тут вдруг у тебя на руках оказывается восторженное дитя, и надо соответствовать. Он и соответствовал,

Марта Кетро

как мог, а я ловила каждое слово и отчаянно верила. Скажет он «мне плохо» — и мне черно, скажет «я счастлив» — и я расцветала. Ещё больше, да, до потери лепестков. И старалась всегда делать так, чтобы ему было хорошо, хорошо, хорошо.

Особо подчеркну, что девственность моя оставалась при мне, физическая неискренность не поддавалась описанию, и всё это «хорошо» помещалось в пределах эмоционального комфорта. Быть милой. Быть сладкой. Быть душистой. И честное слово, это не стоило мне ни малейшего насилия над собой, я и вправду была мила, сладка и душиста — по природе своей.

И сидели мы как-то, обнимались, ничто не предвещало, но я на всякий случай с тревогой сверила часы:

— Тебе хорошо?

Девочки, девушки, женщины...

И он ответил:

— Да. Хорошо... как слишком много клубники...

Я, понятно, затаила дыхание, и он пояснил:

— Очень люблю клубнику. До безумия. Ел бы и ел, килограммами. Но вот приносят с рынка ведро. И она такая лежит, пахнет, ты её ешь, ешь... А потом больше не надо.

— Больше не можешь?

— Нет, почему же, могу. Просто дальше будет не так вкусно. И живот потом заболит. Надо передохнуть.

Я была умненькая и всё поняла. И тем горше стало, потому что клубника не может перестать быть клубникой. Точнее, может, но тогда уж насовсем. А вот так, чтобы временно перестать быть сладкой и душистой, дать горечи, а потом снова, — нет.

И я не перестала, и случилось у нас всякое, ещё много такого, о чём я рассказать не могу, потому что это история не только моя, но и того человека, которому я до сих пор благодарна за многое и за науку тоже.

До сих пор думаю, какой тут может быть выход. Наверное, не следует ста-

Марта Кетро

новиться очень подвижной клубникой, бегать за жертвой и закармливать её собой: попробуй меня! ещё! ещё! я же вкусная! будет хорошо! и ещё лучше! Этого не надо.

Нужно помалкивать, дозировать, быть аккуратной, даже если внутри причитает вечная девичья заплачка: «А почему-у-у? Почему нельзя *просто* любить, быть искренней, сладкой, душистой, если я и правда такая, и любви у меня столько — ведро!»

Но любовь — занятие для пары; если представить, что у вас не обед из шести блюд, и не игра, и не война, а, например, танго, станет проще. Нельзя же на нём, на мужчине, виснуть, — чтобы получился танец, придётся дать ему хоть немножечко свободы.

Ах, как говорил мне другой: «Она в постели обнимала меня слишком крепко и слишком прижималась — и я не мог с ней ничего толком сделать».

Ах, как говорил мне третий: «Я хочу почувствовать её тяжесть, а она переворачивается, как только прикоснусь».

И другие ещё что-то говорили про ветер, про воздух, который должен оставаться между мужчиной и женщиной.

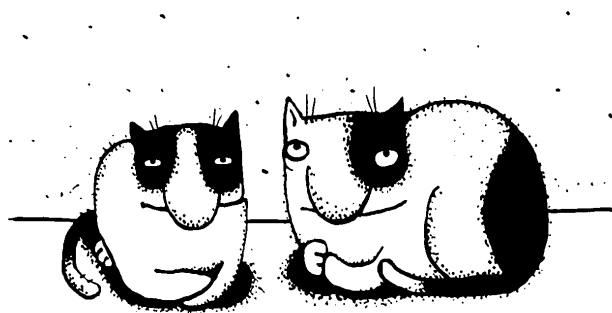
Девочки, девушки, женщины...

Ведь ветер — не пустота, это ещё одна возможность ощутить наполненность пространства.

И всех их я очень внимательно слушала. Но на всякий случай предпочла человека, который не боится, когда клубники слишком много, — при условии, что она на него не бросается.

Котики

Среди странностей кошачьего поведения фелинологи описывают «мужской клуб» — когда несколько взрослых самцов собираются вместе на какой-нибудь лужайке и проводят там длительное время, никак не общаясь и не прикасаясь друг к другу, а потом расходятся. Зачем они так поступают, никто не знает.

Марта Кетро

Для меня этот феномен не составляет никакой загадки — любим самцам надо иногда побыть вместе, известное дело. Правда, человеческие мужчины в отличие от кошачьих не молчат. К сожалению.

И вы знаете, как сильно я люблю мужчин — конечно, чуть меньше, чем женщин, но даже больше, чем детей. Мужчины забавные, с ними бывает хорошо, и от них много пользы, их интересно трогать, а иногда даже приятно посмотреть.

Но встречается в их поведении некоторая особенность, которая доводит меня до белого каления. Слава богу, это не у всех и не всегда.

Давайте рассмотрим некий мужской клуб, когда котикам от тридцати до сорока и их связывает не менее чем десятилетняя дружба. Встречаясь, они чаще всего выпивают, хвастают и хвалят друг друга:

— Чувак, ты гениальный продажник, на тебе вся ваша гнилая контора держится.

— А ты копирайтер от бога, точно говорю.

Возможно, они говорят и о женщинах, но мне никогда не удавалось подкрасться достаточно близко, чтобы услышать.

Девочки, девушки, женщины...

(Вы-то, конечно, смотрели специальный фильм и всё знаете, но я — нет, могу только предполагать.)

Иногда они спорят по глобальным философским поводам, но чаще между ними царит атмосфера любви и взаимного восхищения.

Они обычно выступают в устойчивых ампулах — Старший, Растяпа, Умник и Вася, Которого Бабы Любят. То есть их может быть гораздо больше, но я сейчас хотела про Васю.

Васю, значит, любят бабы. На возраст вы обратили внимание — котики наши все так или иначе несвободны, блудят по чуть-чуть, и только Вася отжигает без оглядки и с молоденькими.

И не реже, чем раз в год, он приводит в их клуб де-е-евочку. Де-е-евочку такую двадцатилетнюю, которая влюблена в него до изнеможения и покорности. Сначала он пропадает и где-то на стороне с ней резвится, а потом наступает следующая стадия, когда он её приводит, держит за пальчики и лучится, пожалуй, не меньше, чем она. Только её свет похож на чуть холодноватые апрельские утра, когда ещё снег не весь сошёл, и солнце, и я тебя так люблю, что сейчас умру,